

УДК 811.161.1'373

**СИБИРСКАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССОРА
ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ НЕЧАЕВОЙ**

© *Егодурова Виктория Макаровна*

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка
и общего языкознания,
Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: egodurova@mail.ru

Статья представляет собой обзор работ профессора О. А. Нечаевой по изучению сибирской лексики в языке художественных произведений писателей Сибири. Обращение к теме обусловлено актуальностью ее работ в контексте современных исследований региональных вариантов русского языка. Прослеживается постановка и решение проблематики исследований профессора, на основе введенного ею в научный оборот языкового материала, выбранного из художественных произведений писателей Сибири, часть которого отсутствует как в словарях В. И. Даля и Л. Е. Элиасова, так и в 17-томном СРЛЯ. По мнению проф. О. А. Нечаевой, многие сибирские слова, выполняющие номинативную функцию, не должны считаться областными, а входить в фонд общерусской лексики. Результаты ее работы по теоретическому осмыслению соотношения общерусской и диалектной, а также местной лексики, взаимодействия литературного языка с местными наречиями; вопросов лексикографической фиксации сибирской лексики на основе собранного автором богатого языкового материала могут быть полезны для развития исследований регионального русского языка с точки зрения определения таких понятий как региолект, региональная лексика, сибирские этнографизмы, этнографическая и неэтнографическая лексика, местные слова, общесибирская лексика; определении границ между ними и отношений различных групп региональной лексики к литературному русскому языку.

Ключевые слова: сибирская лексика; художественные произведения; региональный русский язык; номинативная функция; общерусская, диалектная, местная лексика; этнографизмы; словари, взаимодействие литературного языка с местными наречиями.

Одним из направлений работы профессора О. А. Нечаевой было изучение языка художественных произведений сибирских писателей. Ее исследования приобретают современное звучание в контексте актуального в последние годы направления в лингвистике — изучение региональных вариантов русского языка. Работы профессора О.А. Нечаевой связаны с выявлением русской диалектной и заимствованной бурятской лексики в художественных произведениях сибирских писателей [см.: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. В процессе анализа ставится проблема соотношения общерусской и диалектной, а также местной лексики, взаимодействия литературного языка с местными наречиями. В тесной связи с этими вопросами стоят проблемы их лексикографической фиксации.

Цель настоящей работы — сделать обзор исследований профессора О.А. Нечаевой, которые отражают историю изучения языка художественных произведений сибирских писателей.

1. В первых работах [1, 2] О. А. Нечаева рассматривает диалектизмы с точки зрения оправданности их употребления в художественных произведениях. Она отмечает, что такие современные писатели как Г. М. Марков, К. Ф. Седых, В. Балябин [8], изображающие Сибирь, тщательно отбирают лексические диалектизмы и подвергают их художественной обработке. Используются диалектизмы для изображения рода

занятий людей: сельскохозяйственная диалектная лексика и диалектизмы, обозначающие особенности тайги, промыслы, охотничьи и рыболовные снасти.

В романе Г. М. Маркова выявлены этнографизмы: *пихтач, бельники, шишковать, чистины*. К другим диалектизмам, связанным с лесом, тайгой, относятся: *сушина* (сухостойное дерево), *лесина, колки* (роща); бытовые и другие местные слова: *куть, стайка, изгальтаться* и пр. В романе К.Ф. Седых употребляются диалектизмы для создания колорита местной речи казаков: сельскохозяйственные: *литовка, зарод, овершье, лбы*; слова, обозначающие родственные отношения, бытовые предметы и др.: *родова, шаньги, катанки, вершники, гулеваны, паря, шуга, тарбаган*.

Но встречаются и произведения, например, роман И. Чернева [8], в котором, по мнению О. А. Нечаевой, диалектизмы и местные слова используются почти без обработки, поэтому язык его романа резко отклоняется от норм литературного языка. О. А. Нечаева разделила выявленные в романе И. Чернева слова на следующие группы: слова, связанные с архаическим бытом «семейских»: *установщик, начетчик, сборня, лестовка* (кожаные четки), *домовина* (гроб), *кичка* (головной убор женщин). Другие местные слова для обозначения предметов одежды и обуви: *запан, курма, гутулы, унты, ичиги* и др.

К областной лексике, использованной И. Черневым, отнесены слова, называющие предметы домашнего обихода «семейских»: *поскотина* (огороженное место для пастбища скота), *куть, заплот, стайка, огорожина, литовка* (коса), *полова* (мякина), *комяга* (кормушка), *баранухи, бульба, мякушка* (хлеб), *туес, паренки* (пареная репа), *тарки* (ватрушки) и др.

Диалектизмы, обозначающие действие, качество предметов, обстоятельственные слова. Например: *шебаршить, тростить, гоношить, затруднить, бунчать, ушумкать, ухайдакать, обихаживать, закаляеть, пильновать, белковать, толдыкать, уросливый, кукобливый, адали, анадысь, мляво, лонись, потомотко, дивно, кажеден, такоича, ничо* и др. Отмечаются бурятские и китайские слова: *дабан* (перевал), *куцан, ирген* (название ягнят), *ханшин* (вино) и др.

Выделенные в романах выше названных авторов диалектизмы имеют различные истоки: севернорусские, южнорусские, местные, заимствованные слова. Как пишет О.А. Нечаева, на языке романов писателей наглядно виден еще живой процесс взаимодействия литературного языка с местными наречиями: местные слова пополняют словарный состав литературного языка и употребляются не только в художественном стиле, но и в публицистике и специальной литературе. Такие слова как *шишковать, белковать, бельники, зарод, шуга, сивер, култук, баргузин* «...для данной местности необходимые слова...», «...выполняют прямую номинативную функцию ...», «... обогащают словарный состав языка. Такими являются этнографизмы» [1, с. 59].

Но встречаются, как пишет О. А. Нечаева, областные слова, которые представляют собой дублиеты к литературным, они не могут обогатить язык, например: *катанки* (вместо *валенки*), *ограда* (вместо *двор*), *ложить* (вместо *класть*), *обутки* (вместо *обувь*), *оболокаться* (вместо *одеваться*), *кукобливый* (вместо *ласковый*), *бравый* (вместо *красивый*), *пошто, потомотко, набыть* и др. Автор приходит к выводу, что язык произведения обогащается только при умелом использовании местных слов.

2. В следующей работе [2] О. А. Нечаева рассматривает вопрос об употреблении местных слов в художественных произведениях с точки зрения перспектив развития литературного языка.

Местную лексику в языке произведений писателей Сибири О. А. Нечаева выявляет из произведений С. В. Сартакова, К. Ф. Седых, Г. М. Маркова, Г. Ф. Кунгурова, Н. К. Чаусова, В. Балябина, И. Чернева [8]. Из их произведений приводятся примеры контекстов с употреблением следующих местных слов, например, при описании

природы, промыслов: *распадок, сарма, баргузин, култук, бельники; пихтач, сушина, лесина, колки* (роща среди мелколесья или болота); *можачина* (топкое низкое место), *листвяк, елань* (открытое возвышенное место), *ариан* (чистый источник, ключ), *шивера, пустолесье, хиуз, куржак, белки* (снег в горах); *хиуз, култук, баргузин* (направление ветров на Байкале), *колок; отбеливаться* (о небе), *болотные слани; белковать* (охота на белку), *шишковать* (добыча кедровых орехов), названия сибирских цветов: *жарки, сарана*. Встречаются сельскохозяйственные местные слова: *поскотина, зарод, ярица, зеленка, веришить, овершье, лбы, кошенина, кошара*; заимствованные из бурятского языка названия домашних животных: *куцан, хурган, бурун*; значительную группу составляет местная бытовая лексика, а также названия действий, признаков, обстоятельств. К ним относятся следующие слова: *вериник* (верховой), *помачка* (дождь), *шебаришить, тростить* (повторять), *гоношить* (готовить поспешно), *затруднить, бунчать, закаляеть, пильновать* (заботиться), *толдыкать, уросливый* (капризный), *бравый* (к неодушевленному предмету), *адали* (равно), *анадысь, лонись* (в прошлом году), *набыть* (может быть), *такоича, потомко, кажеден, дивно* (много), *дивья, гулеваны, вериники, брательник, катанки, лопатина, паря, куть, ботало, лонись, катанки, паря, людно, оногдась, пристать* (устать), *поблазнило* (показалось), *оздоровишь, голяшки, обутки, столешица, курмушка, однорядка* (вид одежды), *тусес, ичиги, шаньги, шанежки, позы, тенета, верише* и многие другие. Встречаются отдельные фонетические и морфологические диалектизмы: *дожидает, замуж, чо, ничо, вмерши, железная путь, можа, дожидая* и др.

О. А. Нечаева отмечает, что сибирские наречия содержат много неэтнографических (дублетов к общерусским) местных слов, которые засоряют язык. К ним относятся слова: *хрушкой* (крупный), *литовка* (коса), *пошто?* (почему?), *урось* (капризный), *назад* (опять), *катанки* (валенки), *обутки* (обувь), *оболокаться* (одеваться), *голяшки* (голень), *паря, шоркать* (тереть), *вехотка* (мочалка), *пристать* (устать), *катушка* (горка) и др. Лексические местные дублеты, по мнению О. А. Нечаевой, возможны только для речевой характеристики персонажей при тщательном их отборе.

При более детальном анализе значений отдельных слов с точки зрения их употребления в Сибири в сравнении их трактовки в ССРЯ АН СССР О. А. Нечаева приводит к выводу о том, что «названные сибирские слова являются жизненно необходимыми» [2, с. 208], («слово *зарод* не должно считаться областным, поскольку оно выполняет номинативную функцию» [2, с. 207], слово *зарод* — общесибирское [2, с. 214]; «слово *зеленка* употребляется ... как номинативное...» [2, с. 208].

Итак, анализ выявленных сибирских лексических этнографизмов приводит автора к мысли о том, что часть этой лексики не следует относить к областной. Автор убедительно обосновывает свои возражения против отнесения этих слов к областным в ССРЯ АН СССР [см. 2, с. 206, 208, 209].

О. А. Нечаева заключает, что при ограниченном введении местной лексики в прозу сибирских писателей она служит целям реального изображения действительности [2, с. 220, 219].

3. Следующие работы [3, 4, 5, 6, 7] О. А. Нечаева посвятила выявлению некоторых особенностей языка писателей главным образом Прибайкалья и Забайкалья. В статье «О языке и стиле романов И. Калашникова «Разрыв-трава и «Жестокий век» [3] О. А. Нечаева пишет, что основной чертой языка романа «Разрыв-трава» является живая разговорная речь с присущим для «семейских» языковым колоритом. Отмечается, что И. К. Калашников использует местный диалектный фонд, этнографизмы, которые обозначают предметы и явления территориально ограниченные. Например: «жарки» (цветы), «тарки» (мучное изделие), «ичиги» (вид обуви), «уоставщик» (в смысле «церковный служитель»).

Другой роман И. К. Калашникова [8] написан, как пишет О. А. Нечаева, литературным языком, автор вносит, где это нужно, колорит Востока. Она отмечает много речевых приемов, слов, выражений, пословиц, употребленных автором для образной передачи традиционного быта кочевников. В романе употребляется много монгольских, китайских, тибетских слов, необходимых для обозначения природы и восточных обычаев. Это названия растений, предметов быта, оружия, племен и т.д., например: «*в зарослях харганы*», «*нарезал дэристуна*», «*шипела на алых углях аргала*», «*стадо дзеренов*», «*широчайшая норма*» (одежда); племена: *меркиты*, *тайчууны*, *кэрэиты*, *хунгираты*; восточные собственные имена и др.

4. Две статьи посвящены О. А. Нечаевой изучению языка произведений М. Жигжитова. В статье о романе М. Жигжитова «Подлеморье» [4] О. А. Нечаева отмечает, что язык произведения вполне может быть одним из источников изучения местных, сибирских особенностей русского языка» [4, с. 53]. Профессор выявила в романе особую группу промысловой рыболовецкой и охотничьей местной лексики. Она отмечает, что некоторые слова, будучи архангельскими, пермскими по происхождению, в Сибири и Забайкалье подверглись переосмыслению.

Выявлена местная лексика подледного лова, промысловых действий: *пронорить*, *пеинить*, *подсовники*, *приборна иордань*, *затяг*, *улово*, *юр*, *задев*, *ставежка*, *гондолаги*, *охота в лодочную*, *шесты-давки*, *ратовища*, *норило* и др. Некоторые из указанных слов приведены в словаре В. И. Даля с пометами «арх.», «перм.», «сиб.», но переосмыслены в Забайкалье.

Выявлены в романе особые названия рыболовецких снастей, их частей, деталей: *тетева верхняя*, *тетева нижняя*, *крылья невода*, *уши сетей*, *цевки*, *мотня невода*, *дель*, *гальки* и др., *башлык* «возжак рыболовецкой артели», *ватага* «артель неводчиков»; названия рыболовецких лодок: *лодка-пятерка*, *лодка-семерка*, *харюзовка*, *сетевка*.

Как отмечает О. А. Нечаева, слов *лодка-пятерка*, *лодка-семерка*, *харюзовка*, *сетевка* нет ни в 17-томном СРЛЯ [11], ни в областных словарях В. И. Даля [9] и Л. Е. Элиасова [10]. Слово *семерка* в значении «лодка из семи досок» есть только в «Иркутском областном словаре» [12]. В указанных словарях отсутствуют также слова: *шесты-давки*, *подсовники*, *наборщики*, *гальки*, *гондолаги*, *кулыжка*, *ставежка*, *вешалы*, *высакать* (сноска: выкидывать сачком лед из лунки), *охота в лодочную*.

Из охотничьей лексики в романе выявлены следующие слова: *обметище*, *чумница*, *сайба* «кладовая на дереве» (отмечено, что слово приведено только в словаре В. И. Даля), *кулемка* «ловушка для небольших зверей», *запуск* «место обитания соболя» (сноска автора). Отсутствуют в словаре В. И. Даля и такие охотничьи термины, употребленные в романе: *жакан*, *гайно* «гнездо белки» (сноска автора), *головной соболь*, *головка* «высший сорт, экстра» (сноска автора), *жилинка* «тонкие тычинки». Немало слов-глаголов местного характера, связанных с охотничьей терминологией: *белковать* «охотиться на белку», *шишковать* «собирать шишки», *соболевать* «охотиться на соболя», *свадьбовать* («Эка, как поздно свадьбует рогаль») [6, с. 211].

Много местных слов из быта подлеморцев: *притулье* «жилье» (в словаре В. И. Даля: *притулье* «затишье от ветра»), *латка* «посудина, род миски, употребляемой для жаренья (в 17-томном СРЛЯ, с пометой «обл.»), *куть* «кухня или женский угол за занавеской» (во всех словарях это слово приводится как обл.), *поняга* (*паняга*) «доска с ляжками для переноса груза на спине», *жилуха* «жилье» (в словарях В. И. Даля и Л. Е. Элиасова этого слова нет), *лафтак* «шкура большого тюленя, моржа, лоскут» (с таким значением слово приводится в словаре В. И. Даля с пометой «арх.», «сиб.») и др.

В числе местных слов в романе О. А. Нечаевой отмечается немало заимствованных из бурятского, эвенкийского, монгольского языков. Например: *хубун* «парниш-

ка», *ергашок* «облезлая козья шуба», *мэндэ* «здравствуй», *багша* «учитель», *тала* «друг», *хоймар* «возвышение в правом углу юрты», *цирик* «герой», *шуленга* «князь», *амака* «медведь», *ангура* «лыжная палка», *кумутканчик* «детеныш нерпы», *олочи* «мягкие сапоги», *дылача* «солнце», *ичиги* «вид обуви», *этыркан* «старик», *хамниган* «лесной человек», *аргал* «тюлень», *мэргэн* «меткий стрелок», *хатын* «царица», *аршан* «целебная вода» и др.

Как замечает О. А. Нечаева, в Байкале водятся малоизвестные животные, рыбы, поэтому их названия носят этнографический характер. Например, *нерпа* и дифференцированные названия этих животных по полу и возрасту: *аргал* («тюлень-самец»); *кумутканчик* («детеныш нерпы»); *лончак* («двухлетний нерпенек»); названия рыб, водящихся только в Байкале или в байкальских реках: *омуль*, *голомянка*.

Отмечаются в романе на территории, связанной с Байкалом, особые природные явления, которые получили свои названия в местном наречии. Например: *сокун* «горы ледяного наплеска на берегу у самой воды», *кухта* «затвердевший снежный ком», *переновка* «первый осенний снег, оставшийся до весны», *шах* «мелкие шершавые, торчащие льдины, образующиеся ранней весной в результате таяния верхних слоев льда». Различаются резкие, холодные и легкие ветры: *хиуз*, *сивер*, *ангара*, *култук*, *баргузин*, *бережник*, *мысы*, не известные в русском литературном языке. При описании тайги, используются местные слова: *кедростлань*, *кедрач*, *багульник*; местные названия растений: *жарки*, *саранки*.

Употребляемые в романе М. Жигжитова «Подлеморье» местные слова, а также слова, переосмысленные в условиях Забайкалья, многие из которых не зафиксированы в словарях, представляют, как считает О. А. Нечаева, интерес для лексикографов.

5. Исследованию языка другого романа М. Жигжитова [1988, 8] посвящена статья О. А. Нечаевой [5], в которой она отмечает, что роман написан живым русским языком, но автор умело создаёт восточный национальный колорит (монгольский, отчасти китайский) по мере изображения жизни, быта, обычаев, борьбы монгольских аратов за освобождение их родины от маньчжурских поработителей.

Она отмечает, что автор использует монгольские слова, пословицы, афоризмы, наименования восточного летоисчисления и времяисчисления и т.д. Это прежде всего собственные имена, наряду с русскими (*Петька*, *Ольга*, *Новолодский*, *Рокоссовский* и др.) используются монгольские и бурятские (*Сухэ-Батор*, *Сурэн*, *Табангут*, *Жамьян*, *Ханд-Дорж*, *Янжима*, *Цыбиктаров*, *Лубсан-цай*, *Хасбатор* и др.), китайские (*Сюй-Шучжан* и др.), маньчжурские (*Пу-Линь* и др.).

Названия монгольских местностей, стойбищ, поселений, жилищ и др.: *хошун* (княжеский удел), *аил* (селение), река *Иро*, *Богдо-Ула* (священная гора монголов), *Каракорум*, *кумирня*, *храм*, *алтан цаг* (золотая пора).

Названия пищи: *арул* (сушеный творог), *урум* (сушеные молочные пенки); названия одежды: *дэли*, *гутул*, названия бытовых предметов, особенностей: *авдар* (сундук), *тоно* (верхнее отверстие юрты); названия людей по родству, по возрасту, особенно в форме обращения: *багша*, *мэргэн*, *нукер* (друг), *эмчи* (врач), *хубун* (мальчик), *аба* (отец), *хухэн* (девушка), *убго* (дедушка), *дарга* (начальник, командир), *халхасцы*, слова-приветствия: *сайн байна* (здравствуй), *сайн яварай* (счастливо живи); названия животных, птиц, трав: *антилопа-дзерен*, *дрофа*, *ганга*. Монгольские пословицы в переводе на русский язык: «Разве знает наездник, где споткнется его конь?» «Лучше рухнуть скалой, чем осыпаться песком» и др.

Особо выделяет О. А. Нечаева монгольские слова и выражения, относящиеся к восточному времяисчислению, которые в тексте романа даны в переводе на русский язык: *час быка* (час полуночи), *год черной коровы* (1853), *год желтой овцы* (1919), *год белой курицы* (1921), *час змеи* (с 9 до 11 утра), *час лошади* (полдень).

Анализ языка романа М. Жигжитова «Год белой курицы» приводит О. А. Нечаеву к выводу о том, что роман написан образным русским языком с умелым использованием диалектизмов, разговорно-просторечной лексики, с включением монгольских слов, выражений и пословиц для создания национального колорита в изображении монгольской действительности и людей.

6. В следующей работе [6] О. А. Нечаева отмечает, что «сибирские местные слова и формы слов различного происхождения (лексика старожилов, привезенная с севера или из средней полосы России, семейские слова, главным образом, южнорусского происхождения, слова, заимствованные из бурятского, эвенкийского, отчасти из монгольского языков широко распространены в живой разговорной речи коренных сибиряков, а также семейских, поэтому эти слова широко используются в художественной литературе на местную тематику» [5, с. 167].

Как считает О. А. Нечаева, многие из местных слов являются этнографизмами, потому что называют явления или предметы, имеющие территориально ограниченное употребление. К ним следует отнести, по мнению автора, наименования явлений природы, характерные сибирскому рельефу, климату: *гольцы, сопки, падь, распадок, шуга; шивера, курья, куржак*, — некоторые из них употребляются в современных словарях без помет, но характеризуются как слова, преимущественно называющие явления природы Сибири и Дальнего Востока.

Сибирскими диалектизмами называет О. А. Нечаева употребляемые в художественных произведениях слова, обозначающие различные растения, деревья, кустарники, цветы, а также лесные промыслы: *лесина* — дерево, *шитишник, багул, колки* — небольшие рощицы; *бельники, пихтач, жарки, ургуй* — подснежник; *шишковать, белковать, соболевать*.

Как отмечает автор, довольно много бытовых сибирских диалектизмов встречается в художественных произведениях сибиряков: *куть* — кухня, *стайка* — хлев, *плаха* — доска, *гоношить* — готовить что-либо, *чаевать* — варить чай, *шоркать* — тереть, *латка* — род миска, *туесок* — берестяная кубышка, *курмушка* — телогрейка, *обутки* — обувь, *рысний* — густой, частый.

О. А. Нечаева отмечает, что многие жители Сибири двуязычны, поэтому двуязычие накладывает свой отпечаток как на живую речь, так и на язык художественных произведений. В языке сибирских писателей употребляется не только местная русская лексика, но и лексика бурят, эвенков.

Называются произведения «с двуязычной окраской»: роман Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый» [8], роман П. Малакшинова «Учитель» [8], написанные на бурятском языке, в переводах которых на русский язык сохраняются некоторые группы бурятских слов. К ним отнесены: лексика этикета и уважения к старшим: *сайн* — приветствие, *абагай, ахай*, а также сельскохозяйственные термины: *аргал* — сухой навоз; названия одежды, обуви: *малахай* — шапка, *дэгэл* — верхняя одежда особого покроя, *тэрлик* — халат, *гутулы* — мягкие сапоги; *гуран* — косуля-самец, *утуг* — приусадебное сенокосное угодье, *хубсар* — ковер, *гулото* — очаг в юрте, *аха* — старший брат, *тулум* — кожаный мешок, *хубаа* — парень, *тала* — приятель, *эжы* — мать, бабушка, *арбин* — брюшное сало, *айрак* — творог, *мэндэ* — здорово!, *улигер* — поэма. Значение этих слов в произведении дается в сносках.

Как отмечает О. А. Нечаева, «особенно ярко проявляется двуязычный местный колорит в трилогии М. Жигжитова «Подлеморье» [8], написанной на русском языке. Наряду с местной русской лексикой, используются эвенкийские и бурятские слова. Употребляются слова, обозначающие диких и домашних животных, имеющих более дифференцированные названия в эвенкийском и бурятском языках, чем в русском: *яманка* — домашняя коза (сиб., Даль), *согжой* — дикий олень-самец (Элиасов), *ку-*

мутканчик — детеныш нерпы, *аргал* — самец нерпы (Элиасов), *амака* — медведь, *иргичи*, *иргичен* — страшный лютый волк, предводитель волчьей стаи (Элиасов).

Названия людей по возрасту, роду занятий, по званию преобладают на родном языке: *этыркен* — старик, *бабай* — бабушка, старый отец, уважаемый старик (Элиасов), *хубун* — мальчик. Слова, несущие социальную окраску: *араты*, *батыр* — богатырь. Нередко эмоциональную окраску несут слова *багша* — учитель, *тала* — друг, эвенкийское слово *талан* — счастье. Слова-приветствия также звучат на родном языке: *мэндэ*. О. А. Нечаева отмечает, что на эвенкийском языке называются предметы одежды, обуви, имеющие особую форму, отличающиеся особым изготовлением, материалом: *олочи* — вид охотничьей обуви (Элиасов), *ергашок* — облезлая козья шуба, ставшая летней одеждой.

В романе В. Корнакова «Красные березы» [8] местный колорит также отражает двуязычие. Наряду с русской диалектной речью, встречаются эвенкийские, бурятские слова. Выявлены следующие русские местные или просторечные слова: *зябка*, *мало-мало*, *замельтешить*, *обмишулться*, *долдонить*, *хлипкий*, *багул*, *поняжка*, *голяшки*, *огородин*, *пошто*, *лесина*, *обутки*, *обиходить* и др.; эвенкийские, бурятские слова: *суглан* — собрание, *гуран* — дикий козел, *кабарга* — коза, *улуки* — белка, *эни* — мама, *авгарат бикол!* — здравствуйте, *мэрген* — искусный стрелок, *кумалан* — коврик, *дэвгэ* — уха, *араки* — молочное вино, *корень чагыра* — корень бадана, *чай дягла* или *дяликтамкура* — чай из сосны или боярышника.

В результате проведенного анализа автор приводит к следующим выводам. Особенностью языка художественных произведений сибирских писателей, в частности Прибайкалья и Забайкалья, является не только наличие у большинства из них диалектной русской лексики, но и включение бурятских, эвенкийских, иногда монгольских слов, отражающих реально существующее двуязычие жителей. Часть из отмеченных бурятских и эвенкийских слов перешла в русский язык местных жителей в качестве этнографизмов.

7. В следующей работе [7] О. А. Нечаева рассматривает региональную лексику, почти не освоенную литературным языком, и подвергающуюся семантическим изменениям, переосмыслению, потере старых значений и приобретению нового смысла.

На основе данных толковых и региональных словарей, а также личных наблюдений ученый прослеживает, какие семантические сдвиги (расширение или сужение) наблюдаются в сибирской региональной лексике под влиянием экстралингвистических причин «... по сравнению с тем, какое значение зафиксировано в словаре В. И. Даля» [7, с.32]. О. А. Нечаева разделила эту лексику на несколько пластов:

1) региональные сибирские слова, не входящие в состав литературной лексики и зафиксированные в словарях литературного языка как областные. Для большинства этих слов в сибирской речи характерна та или иная степень семантических сдвигов. Так, в словах *елань*, *шивера*, *колок*, *лесина*, *сушина*, *курья*, *иордань*, *кочевать* автор обнаруживает расширение значений слов; отмечается семантический сдвиг в словах: *стайка*, *куть*.

2) слова, входящие в состав литературной лексики и зафиксированные в толковых словарях как общеупотребительные. Однако у этих слов в сибирских говорах развились и вторичные значения (областные), в большей части не отмеченные ни толковыми, ни местными словарями (*ограда*, *конь*, *кочевать*, *но*, *сломать*, *однако* и др.).

3) слова или формы, отмеченные в словарях как устаревшие, но имеющие хождение в сибирских наречиях с измененной семантикой (*радый*, *имать*, *паря*, *дева* и др.). Названные архаичные слова и формы сохранились в ряде старожильческих русских говоров Сибири, изменив свою исходную форму.

Автор приходит к выводу, что многие диалектные, в основном северно-русские слова, сохранились в говорах Сибири, подвергнувшись семантическому переосмыслению под влиянием изменений условий бытования в Сибири. Наблюдаются и случаи переосмысления некоторых литературных слов в сибирских русских говорах наряду с функционированием их с основным значением.

Как показывает проведенный обзор работ О. А. Нечаевой, ею был введен в научный оборот немалый объем лексики, выбранный из художественных произведений писателей Сибири и названный в ее трудах сибирскими диалектизмами. Размышления О. А. Нечаевой приводят к мысли о том, что «только в связи с неизученностью наречий Сибири, видимо, оказались изолированными от литературного языка многие слова, которые обогатили бы его, расширив представления людей о некоторых сибирских особенностях природы и жизни» [2, с. 207]. Отмечая, что местная лексика не зарегистрирована даже в словарях, несмотря на то, что много местных слов входит в литературный язык, автор предлагает пересмотреть принципы отбора лексики в словари, особенно в академический, который должен как можно полнее охватить лексику русского языка, распространенную на всей территории СССР.

К сибирским местным словам О. А. Нечаева относит лексику русских старожилов, семейские слова, слова, заимствованные из бурятского, эвенкийского, монгольского языков. Выявленные сибирские диалектизмы делятся на лексику этнографическую и неэтнографическую. Многие из местных слов являются, по мнению О. А. Нечаевой, этнографизмами, которые относятся к общесибирской лексике и могут быть включены в состав общерусского языка, как слова, выполняющие номинативную функцию в речевом общении. Выявленные местные слова делятся на тематические группы, отражающие жизнь людей в особых природных условиях Сибири, Байкальского региона.

Как показывает выявленный языковой материал, художественные произведения могут быть одним из источников изучения местных, сибирских особенностей русского языка. Следует отметить, что многие сибирские этнографизмы, повторяются (частотны), то есть употребляются в произведениях разных авторов, что свидетельствует об их распространенности. Многие диалектные русские слова стали региональными, местными, они подвергаются семантическим изменениям, потере старых значений и приобретению нового смысла.

Итак, проведенный обзор трудов О. А. Нечаевой позволяет отметить, что ее идеи имеют перспективы для развития в контексте исследований особенностей русского языка на территории Байкальского региона. Результаты ее работы по теоретическому осмыслению собранного ею богатого языкового материала могут послужить основой для определения понятий регионального русского языка, таких как региолект, региональная лексика, сибирские этнографизмы, этнографическая и неэтнографическая лексика, местные слова, общесибирская лексика; определении границ между ними и отношений различных групп региональной лексики к литературному русскому языку.

Литература

1. Нечаева О.А. Диалектизмы в художественных произведениях о Сибири // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 54–60.
2. Нечаева О. А. Сибирский колорит в языке современной прозы // Ученые записки. Историко-филологическая серия. Вып. XXIII. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. С. 206–220.
3. Нечаева О. А. О языке и стиле романов И. Калашникова «Разрыв-трава» и «Жестокый век» // Язык художественной литературы Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1982. С. 101–108.

4. Нечаева О. А. Сибирская рыболовецкая и охотничья лексика в романе М. Жигжитова «Подлеморье» // Дialeктная лексика в русских говорах Забайкалья. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1985. С. 52–62.
5. Нечаева О. А. Мастер национального колорита и живого образного языка (о романе М. Жигжитова «Год белой курицы») // Язык художественных произведений писателей Сибири. Улан-Удэ: М-во образования РФ, БГПИ им. Д. Банзарова, 1993. С. 3–13.
6. Нечаева О. А. О местном колорите в языке писателей Сибири // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. Улан-Удэ, 1988. С. 166–174.
7. Нечаева О. А. О семантических сдвигах в сибирской русской разговорной и просторечной лексике // Слово в русской народной речи. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1991. С. 31–41.
8. Балябин В. Голубая Аргунь. Иркутск, 1952; Жигжитов М. Подлеморье. Улан-Удэ, 1981; Жигжитов М. Год белой курицы. Улан-Удэ, 1988; Калашников И. Разрыв-трава. Улан-Удэ, 1970; Калашников И. Жестокий век. М., 1978; Корнаков В. Красные березы. Улан-Удэ, 1982; Кунгуров Г. Ф. Наташа Брускова. Иркутск: Кн. изд-во, 1959. 503 с.; Малакшинов П. Учитель. М.: Советский писатель, 1959; Марков Г. М. Строговы. М.: Советский писатель, 1978; Мунгонов Б. Хилек наш бурливый. М.: Советская Россия, 1960; Сартаков С. В. Хребты Саянские. М.: Советский писатель, 1961; К. Ф. Седых. Даурия. Улан-Удэ, 1983; Чаусов Н. К. Далекie рейсы. Иркутск: Кн. изд-во, 1959. 409 с.; И. Чернев. Семейщина. М.: Советский писатель, 1974.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1–4.
10. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.
11. Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17.
12. Иркутский областной словарь. Иркутск, 1979.

SIBERIAN VOCABULARY IN ARTWORKS AN OBJECT
OF STUDY BY PROFESSOR OLGA ALEXANDROVNA NECHAEVA

Victoriya M. Egodurova

Doctor of Sciences in Philology

Associate Professor in char of Russia and General linguistics

Buryat State University named after D. Bazarov

6, Ranzhurova Str., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is a review of works by professor O.A. Nechaeva on the study of Siberian vocabulary in the language of works of art of writers of Siberia. Appeal to the topic due to the relevance of her work in the context of modern research of regional versions of the Russian language. The formulation and solution of the problems of the author's research are traced on the basis of the linguistic material entered by her into the scientific circulation, selected from the works of art of Siberian writers, some of which are absent as in V.I. Dahl and L.E. Eliasov, and in the 17-volume SRLYA. In her opinion, many Siberian words that perform a nominative function should not be considered regional, but should be part of the general Russian vocabulary. The results of her work on the theoretical understanding of the relationship between Russian and dialect, as well as local vocabulary, the interaction of the literary language with local dialects; questions of lexicographic fixation and descriptions of Siberian vocabulary based on the rich language material collected by it may be useful for the development of regional Russian language research in terms of defining such concepts as regionalo, regional vocabulary, Siberian ethnographic, ethnographic and non-ethnographic vocabulary, local words, general Siberian vocabulary; defining the boundaries between them and the relations of various groups of regional vocabulary to the literary Russian language.

Keywords: siberian vocabulary; works of art; regional Russian language; nominative function; All-Russian, dialect, local vocabulary; ethnografisms; dictionaries, the interaction of the literary language with local dialects.